

В подчинении у Цзинь Уняна, чей нрав напоминал разбойничий, его банда буквально смела всё содержимое двух комнат. Каждый набил что мог: за пазухой, за поясом, на теле, в сапогах, в руках — брали столько, сколько позволяло не стеснять движений в бою.

Все понимали, что ситуация скверная, но каждый был полон азарта и рвался вперёд, не желая выказывать ни капли страха или трусости.

Цзинь Унян, прихватив новый топор, не захотела расставаться и со старым. В итоге она вооружилась обоими, а следом за ней потянулась вереница братьев, обвешанных добром, словно монголы. Прихватив ещё несколько сундуков, они предстали перед стражником, и на этот раз церемониться не стали.

Цзинь Унян встретила длинное копье стражника лезвием топора — железо переломилось пополам.

— Цзинь У! То, что у тебя в руках... Ах! Это же сокровище из казны, оружие князя Жуй-вана прежней династии! Как ты смеешь... — договорить он не успел. Цзинь Унян обратным взмахом обуха подцепила его, словно бамбуковой палкой, и подбросила на верхушку дерева так легко, будто девчонка взмахнула платком.

Не будем терять время на лишние слова. Вскоре Цзинь Унян, пробиваясь вперед, раскидывала всех на своем пути. Даже не пролив крови, она заставила стражников в ужасе разбегаться. Ведя за собой отряд нагруженных добычей людей, она миновала два двора, рассеяла сотню бойцов и оказалась у сигнального огня.

Издалека донесся её громоподобный голос:

— Матушка! Это я, Уэр! Матушка, где ты?

Ван Цянь в каменной комнате услышал этот крик, от которого задрожали стены, и поспешил наружу:

— Третий брат, не кричи! Матушка без сознания! Вещи... всё принесли. — Увидев Цзинь Уняна с топорами в руках и с набитой пазухой, из-за чего она выглядела беременной, а также вереницу нагруженных братьев, он понял, что всё необходимое доставлено.

Цзинь Унян подбежала ближе, бросила топоры и бросилась в объятия Ван Цяня, да так, что тот, даже применив внутреннюю силу, отступил на три шага. Она вытащила из-за пазухи сверток из белой ткани:

— Огнеупорная ткань, Жемчужина Успокоения Духа и лекарства — всё здесь. Где матушка? Где она?

Ван Цянь ответил:

— В Цинлянгуне. Возьми это и иди внутрь, пусть старший брат перевяжет ей рану.

Затем его оттолкнула ворвавшаяся Цзинь Унян. Едва удержавшись на ногах, он указал на банду за её спиной:

— Закрепите всё как следует! Если по дороге что-то упадет — не поднимать. Отдайте лишнее тем, у кого ноша легче.

Ван Цянь вошел в каменную комнату и увидел, как Чэнь Лян присыпает целебным порошком рану, которая, несмотря на повязку, продолжала кровоточить. Обернув рану огнеупорной тканью, они подождали немного. Кровь больше не проступала, и Чэнь Лян с Ван Цянем наконец выдохнули.

Цзинь Унян тупо смотрела на лужу крови на полу, её глаза покраснели:

— Матушка потеряла столько крови, она не умрет? Старший брат, второй брат, ну скажите же что-нибудь!

Чэнь Лян, обессиленно опустившись на пол, не заботясь о приличиях, вытер пот белоснежным шелковым халатом:

— Раз она проглотила Жемчужину Успокоения Духа, она не умрет. Возможно, останутся старые раны, но главное — выживет.

Цзинь Унян поспешно добавила:

— Лишь бы жива была! Что мы будем делать дальше?

— Ждать Десятую, — Ван Цянь плюхнулся на землю. — Третий брат, следи снаружи. И лучше принеси свои топоры внутрь.

Когда Цзинь Унян, притащив топоры, связку мечей и три пары медных жезлов, сложила их на полу, Ван Цянь продолжил:

— Хотя Чжан Хуа и ведет себя как барышня, он наш самый расчетливый брат. Сейчас наши люди учатся у него строить порядки. У старшего брата шестнадцать человек, у меня больше двадцати, у тебя, третий брат, тридцать с лишним — этого мало. А у Чжан Хуа больше тысячи человек, все — лучшие бойцы, отобранные матушкой. С его умом и этими людьми у нас есть шанс выжить. Если Десятая не придет, нам останется только покончить с собой — нельзя же умирать в руках того старого негодяя.

Ван Цянь поднял пары медных жезлов, примерился и обнял одну из них:

— Хороший третий брат, я восемь лет мечтал об этих жезлах! Матушка всегда говорила, что это наследство бабушки, вещь ценная, но приносит несчастье, и не отдавала мне. Наконец-то они у меня. Спасибо, спасибо! Хороший брат, ты действительно любишь старшего брата.

— Ну что ты, брат, какие благодарности, — лицо Цзинь Уняна покраснело. — Старший брат, выбери себе меч. Как говорится, для забоя свиней нужен острый нож, с хорошим мечом любое дело спорится.

— Благодарю, младший брат, — Чэнь Лян хотел было проявить вежливость, но его взгляд уже был прикован к белоснежному мечу. Он выхватил его: — Цзыдянь! Тот самый легендарный меч Цзыдянь из чужеземных стран! Когда матушка успела его достать? Вы не знаете, о нем ходит столько легенд, он обладает невероятной душой.

Хотя Фан Дици была без сознания, её состояние стабилизировалось. Трое из четырех братьев собрались вместе, сменили оружие на лучшее. Цзинь Унян надела мягкий доспех, и братья облачили в него Фан Дици, а затем отправили остальных выбирать себе снаряжение.

В саду пока было тихо, но все понимали: вынести Фан Дици из дворца будет сложнее, чем взойти на небо.

Всё было готово. Оставалось ждать Чжан Хуа.

А Чжан Хуа не подвел. Он явился во главе войска под знаменами Летающего Дракона, Летающего Феникса, Летающего Тигра, Летающего Леопарда, Летающего Барса и Скрытой Армии, нагло требуя открыть ворота.

Резиденция премьер-министра находилась в стратегически важном месте столицы. Комендант Ян Хуацин, хоть и не был великим полководцем, являлся верным слугой императора, лично назначенным на этот пост. Сидя на крепостной стене, он от скуки наигрывал на цитре, когда прибежал солдат:

— Докладываю, генерал! Сдалека приближается крупный отряд!

Ян Хуацин вскочил, опрокинув инструмент, схватил лук и побежал на стену. Одного взгляда с его острым, как у орла, зрением хватило, чтобы понять, кто перед ним. Он подумал: Знамена императорской гвардии, форма та же, выглядят дисциплинированно. Но по донесениям военного ведомства сегодня не было приказа о вводе войск в столицу. Значит, разговоров быть не может!

— Закрывать ворота! Наложить стрелы на тетивы! Приготовить арбалеты! — прогремел Ян Хуацин.

Увидев, как на стене заблестели клинки и натянулись тетивы, Чжан Хуа приказал войску остановиться. Он натянул поводья и медленно выехал вперед.

Ян Хуацин, прикинув расстояние в тридцать шагов, узнал его и усмехнулся:

— О, младший брат Чжан Хуа! Откуда путь держишь? Куда направляешься?

Чжан Хуа почтительно сложил руки:

— Брат Хуацин! Премьер-министр срочно вызвал меня для подавления беспорядков в резиденции, прошу, окажи услугу!

— Опять беспорядки в резиденции? — Ян Хуацин погладил бороду. — Есть доказательства?

Чжан Хуа указал на город:

— Сигнальные огни трех цветов! Черный, красный, синий — их используют только когда жизни премьер-министра или Дицзи угрожает смертельная опасность.

Ян Хуацин обошел башню, вернулся и отрезал:

— Без приказа военного ведомства я не могу пропустить твой отряд в город.

— Премьер-министр при смерти, Дицзи не подает признаков жизни, — возразил Чжан Хуа. — Я четвертый сын Дицзи, разве я могу не спасти мать? Генерал Ян, закон законом, но есть и человечность. Если вы нас не пропустите, и они погибнут — это будет на вашей совести. К тому же я иду не на пир, а спасать людей. Мои воины в огромной столице — как капля в море, переворота не учинят.

— Если резиденция в опасности, есть городская стража, — проворчал Ян Хуацин.

— Прошу прощения за прямоту, генерал, — громко ответил Чжан Хуа. — Те, кто пробрался в резиденцию, чтобы убить премьер-министра и Дицзи — не обычные наемники.

Ян Хуацин замолчал, а Чжан Хуа продолжал:

— Законы нашей страны строги. Но послушайте, генерал: есть лишь одна причина не пускать нас, но целых девять причин открыть ворота.

— Слушаю, — нахмурился Ян Хуацин.

— Во-первых, премьер-министр — опора государства, его гибель приведет к смуте. Во-вторых, в резиденции хранятся государственные тайны. В-третьих, там есть бесценные сокровища и чистый императорский указ. В-четвертых, моя приемная мать — Дицзи, это вопрос чести императорской семьи. В-пятых, Дицзи двадцать лет держала в страхе весь преступный мир, её гибель привлечет сюда тысячи бандитов. В-шестых, она управляет южными водными путями. В-седьмых, если я не спасу родителей, я не смогу отомстить убийцам!

Ян Хуацин вздохнул:

— А восьмая и девятая?

— В-восьмых, я уверен, что убийцы ещё не выбрались из резиденции. Сейчас мы можем поймать их, как черепах в кувшине. В-девятых, мой отец оправдал вас, когда вы были несправедливо обвинены, а мать спасла вам жизнь на границе. Пришло время платить по счетам.

Ян Хуацин подумал: у меня нет причин отказывать, он прав и по долгу службы, и по совести. Но он все же пробормотал:

— Вы не можете войти все!

— Генерал, я знаю закон: более тысячи человек в городе — это мятеж, — заверил его Чжан Хуа.

— Открыть ворота! — вздохнул Ян Хуацин. — Если бы премьер-министр не был предан делу, а Дицзи — народу, я бы ни за что вас не пропустил.

— Благодарю за благородство! — Чжан Хуа повел войско вперед.

Двести человек из отряда Летающего Дракона остались снаружи для охраны. Отряд Летающего Феникса рассеялся по домам чиновников, распространяя слухи. Отряд Летающего Тигра выманил у стражи часть арбалетов и ушел в засаду в пригороде. Отряд Скрытой Армии занял секретные точки в столице.

Чжан Хуа с сотней конников подъехал к внутреннему городу, где располагались правительственные здания. Он «честно» объяснил всё коменданту восточных ворот, и тот пропустил их внутрь.

Теперь Летающий Дракон охранял ворота. Летающий Феникс морочил головы столичным повесам. Летающий Тигр вывез из города всё тяжелое оружие, чтобы обезопасить карету Фан Дицзи. Летающий Леопард засел в засаде вокруг резиденции. Скрытая Армия направилась напрямик в Императорскую лечебницу.

Чжан Хуа, уверенно сидя в седле, взмахнул мечом:

— Пятьдесят человек из Летающего Леопарда со мной, остальные — забрать всех лучших коней!

* * *

Цзинь Унян, не сводя глаз с Фан Дицзи, спросила Чэнь Ляна:

— Старший брат, почему матушка до сих пор не проснулась?

Ван Цянь нахмурился:

— Она не проснется до завтра. Где же Чжан Хуа? Вдруг он предал нас?

Чэнь Лян дернул Цзинь Уняна за рукав, едва та не расплакалась:

— Не смей плакать, иначе у людей пропадет боевой дух. Третий брат, слушай внимательно каждое слово.

— Слушаю, брат!

— Если Чжан Хуа перешел на сторону врага, ты тоже подчинишься ему. Делай всё, что он скажет. Понял?

— Не понял, но сделаю.

— Хорошо, — голос Чэнь Ляна дрогнул, и он кивнул Ван Цяню, чтобы тот продолжил.

Ван Цянь, стиснув зубы, прошептал:

— Третий брат, если ты подчинишься Чжан Хуа, делай что угодно, кроме того, что осквернит память матушки. Даже если он прикажет убить меня или старшего брата — если мы не сможем сбежать — ты должен будешь трижды попросить пощады, а потом, сделав вид, что разозлился, исполнить приказ.

— Опять не понял, но запомнил.

Ван Цянь вздохнул:

— Если премьер-министр спросит, почему ты это сделал, скажи — это была воля матушки перед смертью. На остальные вопросы отвечай, что не понимаешь и не помнишь. Если спросит, ненавидишь ли ты его — скажи, что не знаешь. Если спросит о будущем — отвечай, что хочешь жить в саду матушки.

— Понял. Брат, продолжай.

— Ты должен ждать. Притворяйся простаком, всегда носи с собой топоры, делай вид, что боишься их потерять. До тех пор, пока они не начнут тебе доверять и не подпустят близко. Тогда, когда премьер-министр и Чжан Хуа будут вместе, в три удара сердца — убей их обоих.

Чэнь Лян смахнул слезу:

— Надеюсь, до этого не дойдет. Но если Чжан Хуа погубит мать — не верь ему ни в чем. Ни единому слову.

Наблюдатель на искусственной горке в саду увидел фиолетовый дым и закричал:

— Подкрепление прибыло!

Чэнь Лян и Ван Цянь переглянулись, облегченно выдохнув. Цзинь Унян, хоть ничего и не понимала, расплылась в улыбке.

* * *

Братья встретились в Цинлянгуне. Чэнь Лян почувствовал прилив сил, Ван Цянь расслабился, а Цзинь Унян улыбнулась.

Чжан Хуа, не теряя времени, подошел к Фан Дици, осторожно приподнял край одежды и осмотрел рану. Кровь слегка проступала сквозь огнеупорную ткань, обнажая нежную кожу живота с тонким, женственным шрамом.

— Всё подготовлено, расскажу по дороге, — сказал Чжан Хуа. — И не называй меня Десятой!

Ван Цянь с надеждой спросил:

— Как мы выберемся из города? Сколько людей ты привел?

— Тысяча двести человек, разбиты на шесть отрядов. Не нужно менять внешность Дици до выхода из города, — ответил Чжан Хуа. — Что именно произошло?

Чэнь Лян, сдерживая гнев, прошептал:

— Матушка вернулась из дворца и вызвала премьер-министра на разговор. Он ждал её здесь, в Цинлянгуне. Я остался снаружи. Вскоре услышал крик, ворвался и увидел матушку на полу. Премьер-министр ушел через потайной ход. Рана глубокая, три с половиной цуня, лезвие отравлено. Я зажег сигнал, второй брат пришел первым, потом собрали остальных.

Чжан Хуа положил руку на живот Фан Дици, борясь с желанием погладить это теплое, вызывающее такую печаль место. Он вздохнул:

— Раз матушка проглотила Жемчужину, а рана отравлена — медлить нельзя. Премьер-министр не посмеет действовать открыто в ближайшие полдня. Нужно уходить немедленно.

Цзинь Унян задала самый важный вопрос:

— Хорошо, но куда?

Чэнь Лян, помогая Чжан Хуа поднять Фан Дици:

— В море, в наше островное государство?

Ван Цянь подхватил её:

— Или в горы, где трудно пройти, пока матушка не поправится.

Чжан Хуа кивнул:

— Третий брат прав. Карета ждет снаружи.

Резиденция была мертва и тиха, как затаившийся зверь. В сумерках роскошные постройки выглядели зловеще.

Чжан Хуа проверил пульс Фан Дицзи — слабый, но живой.

— Старший брат, проверь, есть ли в резиденции свет.

Чэнь Лян, лучший из них в искусстве легких шагов, вскочил на высокую стену. В глубине дворов покачивались тени, цвели цветы, но ни души, ни огня в окнах не было.

— Нет света, — спрыгнул он вниз.

— И правильно, — сказал Чжан Хуа, вскакивая на коня. — Премьер-министр не хочет, чтобы Дицзи умерла в его доме, он избегает подозрений в убийстве жены. Сейчас он наверняка пирует во дворце. Поехали!

Путь до ворот прошел гладко. За городом их встретили люди Чжан Хуа, и отряд скрылся в лесу.

— Мастер Ян, прошу, сделайте грим для Дицзи и этих шести женщин, — распорядился Чжан Хуа. — В шести каретах будут шесть тяжелораненых женщин, они поедут в разные стороны. В каждой карете по двадцать человек, переодетых купцами. Это приманка. Если их окружит стража премьер-министра — пусть сдаются.

— А матушка по какой дороге поедет? — спросил Чэнь Лян.

— Конечно, под нашим присмотром, — ответил Чжан Хуа. — Мы переоденемся монахами.

Братья вытаращили глаза. Ван Цянь прошептал:

— Монахами? Ты шутишь? Как скрыть грудь?

Чжан Хуа бросил на него взгляд:

— Плохо ты учился. Три слоя кожи акулы под одеждой — и женщина станет мужчиной. Всё, собирайтесь, будьте готовы к бою. В путь!

<http://bllate.org/book/21775/2251788>